

Л. Троцкий.

Шумиха вокруг Кронштадта

"Народный фронт" обличителей

Кампания вокруг Кронштадта ведется в известных кругах с неослабевающей энергией. Можно бы думать, что кронштадтский мятеж произошел не 17 лет тому назад, а только вчера. В кампании с одинаковым усердием и под одними и теми же лозунгами участвуют: анархисты, русские меньшевики, левые социал-демократы из Лондонского Бюро, индивидуальные путанники, газета Милюкова и, при случае, большая капиталистическая печать. Своего рода "Народный фронт"! Только вчера я случайно наткнулся в мексиканском еженедельнике реакционно-католического, и в то же время "демократического", направления на следующие строки: "Троцкий приказал истребить полторы тысячи (?) кронштадтцев, этих чистых из чистых. Его политика у власти ничем не отличалась от нынешней политики Сталина". Тот же вывод делают, как известно, и самые левые анархисты. Когда я в первый раз кратко ответил в печати на вопросы Венделина Томаса, члена нью-йоркской Комиссии Расследования, газета русских меньшевиков немедленно выступила на защиту кронштадтцев и... Венделина Томаса. В том же духе выступила газета Милюкова. С еще большей энергией обрушились на меня анархисты. Все эти авторитеты признали мой ответ Томасу совершенно несостоятельным. Это единодушие тем более знаменательно, что анархисты защищают в лице кронштадтцев подлинный анти-государственный коммунизм; меньшевики в эпоху кронштадтского восстания открыто выступали за реставрацию капитализма, а Милюков стоит за капитализм и сейчас. Каким образом восстание кронштадтцев может одновременно столь горячо задевать сердца анархистов, меньшевиков и либеральных контр-революционеров? Ответ прост: все эти группировки заинтересованы в том, чтобы скомпрометировать единственное подлинно-революционное течение, которое никогда не отрекалось от своего знамени, не шло на соглашение с врагами и которое одно представляет будущее. Оттого среди запоздалых обличителей моего кронштадтского "преступления" так много бывших революционеров или бывших полу-революционеров, людей, которые растеряли свою программу и свои принципы, людей, которым нужно отвлечь внимание от подлостей Второго Интернационала или от предательства испанских анархистов. Сталинцы не могут еще открыто присоединиться к кампании вокруг Кронштадта, но и они, конечно, с удовольствием потирают руки. Ведь удары направляются против "троцкизма", против революционного марксизма, против Четвертого Интернационала!

Почему собственно эта разношерстная братия ухватилась именно за Кронштадт? За годы революции у нас было не мало столкновений с казаками, крестьянами, даже с известными группами рабочих (известные группы уральских рабочих организовали добровольческий полк в армии Колчака!). Основу этих столкновений составлял, главным образом, антагонизм между рабочими, как потребителями, и крестьянами, как производителями и торговцами хлебом. Под влиянием нужды и лишений сами рабочие эпизодически расслаивались на враждующие лагеря, в зависимости от большей или меньшей связи с деревней. Под влиянием деревни находилась и Красная армия. За годы гражданской войны не раз приходилось разоружать недовольные полки. Введение "новой экономической политики" смягчило трения, но далеко не устранило их. Наоборот, оно подготовило возрождение кулачества и привело, в начале этого десятилетия, к возрождению гражданской войны в деревне. Кронштадтское восстание было только эпизодом в истории взаимоотношений между пролетарским городом и мелко-буржуазной деревней; понять этот эпизод можно не иначе, как в связи с общим ходом развития классово-борьбы в течение революции. От длинного ряда других мелко-буржуазных движений и восстаний, Кронштадт отличался только большей внешней эффективностью. Дело шло о морской крепости, под самым Петроградом. Во время восстания выпускались прокламации, работало радио. Социалисты-революционеры и анархисты, поспешившие прибыть сюда из Петрограда, обогащали восстание "благородными" фразами и жестами. Вся эта работа оставила следы на бумаге. При помощи этого "документального" материала, т.-е. фальшивых этикеток, нетрудно построить легенду о Кронштадте, тем более, возвышенную, что в 1917 году имя Кронштадта было окружено революционным ореолом. Недаром, цитированный мексиканский журнал иронически называет кронштадтцев "чистыми из чистых".

В игре на революционном авторитете Кронштадта заключается одна из главных черт этой поистине шарлатанской кампании. Анархисты, меньшевики, либералы, реакционеры пытаются изображать дело так, будто в начале 1921 году большевики повернули оружие против тех самых кронштадтских матросов, которые обеспечили победу Октябрьского переворота. Здесь исходный пункт всей остальной лжи. Кто хочет распутать клубок этой лжи, должен прежде всего прочитать статью тов. Ж. Дж. Райта в "Нью Интернешонал". Моя задача иная: я хочу охарактеризовать физиономию кронштадтского восстания под более общим углом зрения.

Социальные и политические группировки Кронштадта

Революцию "делает" непосредственно меньшинство. Успех революции возможен, однако, лишь в том случае, если это меньшинство находит большую или меньшую поддержку или хотя бы дружественный нейтралитет со стороны большинства. Смена различных стадий революций, как и переход от революции к контр-революции, непосредственно определяется изменяющимся политическим взаимоотношением между меньшинством и большинством, между авангардом и классом.

Среди кронштадтцев было три политических слоя: пролетарские революционеры, некоторые с серьезным боевым прошлым и закалом; промежуточное, главным образом, крестьянское по происхождению, большинство и, наконец, слой реакционеров, сыновей кулаков, лавочников и попов. В царские времена порядок на военных кораблях и в крепости мог держаться лишь до тех пор, пока офицерство, через посредство реакционной части унтер-офицеров и матросов, удерживало под своим влиянием или террором широкий промежуточный слой и тем изолировало революционеров, главным образом, машинную команду корабля, артиллеристов, электротехников, т.-е. преимущественно городских рабочих.

История восстания на броненосце "Потемкин" в 1905 году целиком построена на взаимоотношениях между этими тремя слоями, т.-е. на борьбе крайних слоев, пролетарского и мелко-буржуазно-реакционного, за влияние на наиболее обширный средний крестьянский слой. Кто не понял этой проблемы, которая проходит через все революционное движение во флоте, тому лучше всего молчать о проблемах русской революции вообще. Ибо вся она в целом была, и в значительной мере остается, борьбой между пролетариатом и буржуазией за влияние на крестьянство. Буржуазия выступала в советский период, главным образом, в лице кулачества, т.-е. верхов мелкой буржуазии, "социалистической" интеллигенции, а ныне в лице "коммунистической" бюрократии. Такова основная механика революции на всех ее этапах. Во флоте эта механика принимала более централизованное и потому более драматическое выражение.

Политический состав Кронштадтского совета отражал социальный состав гарнизона и экипажа. Руководство советов уже летом 1917 году принадлежало большевистской партии. Она опиралась на лучшую часть моряков и включала в свой состав много революционеров подполья, освобожденных из каторжных тюрем. Но большевики составляли, помнится, даже в дни Октябрьского переворота, меньше половины совета. Большая половина его состояла из эс-эров и анархистов. Меньшевики в Кронштадте не было вовсе. Меньшевистская партия ненавидела Кронштадт. Не лучше относились к нему, впрочем, официальные эс-эры. Они скоро перешли в оппозицию к Керенскому, и составили один из ударных отрядов, так называемых, "левых" эс-эров. Кронштадтские эс-эры опирались на крестьянскую часть флота и сухопутного гарнизона. Что касается анархистов, то они представляли наиболее пеструю группу. Среди них были настоящие революционеры, типа Жука или Железнякова; но это были единицы, тесно связанные с большевиками. Большинство же кронштадтских "анархистов" представляло мелко-буржуазную городскую массу и по революционному уровню стояло ниже левых эс-эров. Председателем совета был беспартийный, "сочувствующий анархистам", а по существу совершенно мирный мелкий чиновник, который раньше был почтителен к царскому начальству, а теперь - к революции. Полное отсутствие меньшевиков, "левый" характер эс-эров и анархистская окраска мелкой буржуазии объясняются остротой революционной борьбы во флоте и доминирующим влиянием пролетарской части моряков.

Изменение за годы гражданской войны

Уже эта социальная и политическая характеристика Кронштадта, которую при желании можно было бы подкрепить и иллюстрировать многочисленными фактами и документами, позволяет догадываться о тех сдвигах, которые произошли в Кронштадте за годы гражданской войны, и в результате которых его физиономия изменилась до неузнаваемости. Именно об этой важнейшей стороне дела запоздалые обличители не говорят ни слова, отчасти по невежеству, отчасти по недобросовестности.

Да, Кронштадт вписал героическую страницу в историю революции. Но гражданская война начала с систематического обезлюживания Кронштадта и всего Балтийского флота. Уже в дни Октябрьского переворота отряды кронштадтцев посылались на помощь Москве. Новые отряды отправлялись затем на Дон, на Украину, для реквизиции хлеба, для организации власти на местах. Первое время казалось, что Кронштадт неисчерпаем. Мне приходилось с разных фронтов посылать десятки телеграмм о мобилизации новых и новых "надежных" отрядов, из питерских рабочих и балтийских моряков. Но уже в конце 1918 года и, во всяком случае, не позже 19-го, фронты стали жаловаться на то, что новые транспорты "кронштадтцев" плохи, требовательны, недисциплинированы, ненадежны в бою и приносят больше вреда, чем пользы. После ликвидации Юденича (зимой 1919 года), Балтийский флот и Кронштадт окончательно впали в протрацию. Все сколько-нибудь ценное было извлечено оттуда и брошено на юг, против Деникина. Если кронштадтцы в 1917-1918 г.г. стояли значительно выше среднего уровня Красной армии и составляли костяк первых ее частей, как и костяк советского режима во многих губерниях, то те моряки, которые оставались в "мирном" Кронштадте до начала 1921 года, не найдя себе применения ни на одном из фронтов гражданской войны, были, по общему правилу, значительно ниже среднего уровня Красной армии и

заклучали в себе большой процент совершенно деморализованных элементов, носивших пышные панталоны "клеш" и прическу сутенеров.

Деморализация на почве голода и спекуляции вообще страшно усилилась к концу гражданской войны. Так называемое "мешечничество" приняло характер социального бедствия, угрожавшего задушить революцию. Именно в Кронштадте, гарнизон которого ничего не делал и жил на всем готовом, деморализация достигла особенно больших размеров. Когда голодному Питеру приходилось особенно туго, в Политбюро не раз обсуждали вопрос, не сделать ли "внутренний заем" у Кронштадта, где оставались еще старые запасы всяких благ. Но делегаты питерских рабочих отвечали: "Добром от них ничего не возьмешь. Они спекулируют сукном, углем, хлебом. В Кронштадте теперь голову подняла всякая сволочь". Такова была реальная обстановка, без слащавых идеализаций задним числом.

Надо прибавить еще, что в балтийском флоте устраивались, на правах "добровольцев", те из латышских и эстонских моряков, которые боялись попасть на фронт и собирались перебраться в свои новые буржуазные отечества: Латвию и Эстонию. Эти элементы были в корне враждебны советской власти и полностью проявили эту свою враждебность в дни кронштадтского восстания. Наряду с этим, многие тысячи латышей-рабочих, главным образом, бывших батраков, проявляли беспримерный героизм на всех фронтах гражданской войны... Нельзя, следовательно, ни латышей, ни "кронштадтцев" красить в один и тот же цвет. Нужно уметь делать социальные и политические различия.

Социальные пружины восстания

Задача серьезного исследования состоит в том, чтоб, на основании объективных данных, определить социальную и политическую природу кронштадтского мятежа и его место в развитии революции. Без этого "критика" сведется к сентиментальным причитаниям пацифистского типа, в духе Александра Беркмана, Эммы Гольдман и их новейших подражателей. Эти господа не имеют ни малейшего понятия о критериях и методах научного исследования. Они цитируют воззвания восставших, как благочестивые проповедники цитируют священное писание. При этом они жалуются на то, что я не считаюсь с "документами", т.-е. с евангелием от Махно и других апостолов. "Считаться" с документами не значит верить им на слово. Еще Маркс сказал, что о партиях, как и о людях, нельзя судить по тому, что они сами говорят о себе. Характеристика партии определяется гораздо больше ее социальным составом, ее прошлым, ее отношением к разным классам и слоям, чем ее устными и печатными декларациями, особенно в критический момент гражданской войны. Если бы мы стали, например, принимать за чистую монету бесчисленные воззвания Негрина, Компаниса, Гарсиа Оливера и Ко., мы должны были бы признать этих господ пламенными друзьями социализма. Между тем на деле они его вероломные враги.

В 1917-1918 г.г. революционные рабочие вели за собою крестьянскую массу не только во флоте, но и во всей стране. Крестьяне захватывали и распределяли землю, чаще всего под руководством матросов и солдат, прибывших в родные волости. Реквизиции хлеба только начинались, притом, главным образом, у помещиков и кулаков. Крестьяне мирились с реквизициями, как с временным злом. Но гражданская война затянулась на три года. Город почти ничего не давал деревне и почти все отбирал у нее, главным образом, для нужд войны. Крестьяне одобряли "большевиков", но становились все враждебнее к "коммунистам". Если в предшествующий период рабочие вели крестьян вперед, то теперь крестьяне тянули рабочих назад. Только в результате такой перемены настроений белым удавалось частично привлекать на свою сторону крестьян и даже уральских полу-рабочих, полу-крестьян. Теми же настроениями, т.-е. враждой к городу, питалось движение Махно, который захватывал и грабил поезда, предназначенные для фабрик, заводов и Красной армии, разрушал железно-дорожные пути, истреблял коммунистов и пр. Разумеется, Махно называл это анархической борьбой с "государством". На самом деле это была борьба разъяренного мелкого собственника против пролетарской диктатуры. Подобное же движение шло в ряде других губерний, особенно в Тамбовской, под "знаменем" "социалистов-революционеров". Наконец, в разных частях страны орудовали, так называемые, "зеленые" крестьянские отряды, которые не хотели признавать ни красных, ни белых и сторонились городских партий. "Зеленые" иногда сталкивались с белыми и терпели от них жестокий урон; но они не встречали пощады, конечно, и со стороны красных. Как мелкая буржуазия экономически растирается между жерновами крупного капитала и пролетариата, так крестьянские партизанские отряды растирались в порошок между Красной армией и белой.

Только совершенно пустой человек способен видеть в бандах Махно или в кронштадтском восстании борьбу между абстрактными принципами анархизма и государственного социализма. На самом деле эти движения были конвульсиями крестьянской мелкой буржуазии, которая хотела, конечно, освободиться от капитала, но не соглашалась в то же время подчиниться диктатуре пролетариата. Она сама не знала конкретно, чего она хотела и, по своему положению, не могла этого знать. Оттого она так легко прикрывала путаницу своих требований и надежд то анархистским знаменем, то народническим, то просто "зеленым". Противопоставляя себя пролетариату, она, под всеми этими знаменами, пыталась повернуть колесо революции назад.

Контр-революционный характер кронштадтского мятежа

Между разными социальными и политическими прослойками Кронштадта не было, конечно, непроницаемых переборок. Для ухода за машинами в Кронштадте оставалось известное число квалифицированных рабочих и техников. Но и они выделались по методу отрицательного отбора, как ненадежные политически и малопригодные для гражданской войны. Из среды этих элементов вышли затем некоторые "вожди" восстания. Однако, это совершенно естественное и неизбежное обстоятельство, на которое с торжеством указывают некоторые обличители, ни на иоту не меняет анти-пролетарской физиономии мятежа. Если не обманывать себя пышными лозунгами, фальшивыми этикетками и пр., то кронштадтское восстание окажется ничем иным, как вооруженной реакцией мелкой буржуазии против трудностей социалистической революции и суровости пролетарской диктатуры. Именно это означал кронштадтский лозунг: "Советы без коммунистов", за который немедленно же ухватились не только эс-эры, но и буржуазные либералы. В качестве более дальнзоркого представителя капитала, профессор Милуков понимал, что освободить советы от руководства большевиков значило бы в короткий срок убить советы. За это говорил опыт русских советов в период господства меньшевиков и эс-эров, и еще ярче - опыт германских и австрийских советов при господстве социал-демократии. Эс-эровско-анархистские советы могли бы только послужить ступенькой от пролетарской диктатуры к капиталистической реставрации. Никакой другой роли они сыграть неспособны были, каковы бы ни были "идеи" их участников. Кронштадтское восстание имело, таким образом, контр-революционный характер.

Под классовым углом зрения, который - не в обиду господам эклектикам - остается основным критерием не только для политика, но и для историка, крайне важно сопоставить поведение Кронштадта и Петрограда в те критические дни. Из Петрограда тоже был извлечен весь руководящий слой рабочих. В покинутой столице голод и холод царили, пожалуй, еще более свирепо, чем в Москве. Героический и трагический период! Все были голодны и злы. Все были недовольны. На заводах шло глухое брожение. Закулисные организаторы из эс-эров и белых офицеров пытались связать военное восстание с движением недовольных рабочих. Кронштадтская газета писала о баррикадах в Петрограде, о тысячах убитых. О том же возвещала печать всего мира. А на деле произошло нечто прямо противоположное. Кронштадтское восстание не привлекло, а оттолкнуло петроградских рабочих. Расслоение произошло по классовой линии. Рабочие сразу почувствовали, что кронштадтские мятежники стоят по другую сторону баррикады, - и поддержали советскую власть. Политическая изоляция Кронштадта явилась причиной его внутренней неуверенности и его военного поражения.

НЭП и кронштадтское восстание

Виктор Серж, который, видимо, пытается создать некий синтез "анархизма", ПОУМ'а и марксизма, крайне неудачно вмешался в спор о Кронштадте. По его мнению введение НЭП'а на год раньше могло бы предотвратить кронштадтское восстание. Допустим. Но такого рода советы очень легко подавать задним числом. Правда, как напоминает Серж, я предлагал переход к НЭПу еще в начале 1920 года. Но я вовсе не был заранее уверен в успехе. Для меня не было тайной, что лекарство может оказаться более опасно, чем сама болезнь. Когда я наткнулся на сопротивление руководящей части партии, я не апеллировал открыто к низам, чтобы не мобилизовать мелкую буржуазию против рабочих. Понадобился опыт дальнейших 12 месяцев, чтобы убедить партию в необходимости нового курса. Но замечательно, что именно анархисты всех стран приняли НЭП, как... измену коммунизму. А сейчас адвокаты анархистов обвиняют нас в том, что мы не ввели НЭП на год раньше.

Ленин в течение 1921 года не раз открыто признавал, что упорство партии в отстаивании методов военного коммунизма превратилось в грубую ошибку. Но разве это меняет дело? Каковы бы ни были ближайшие или более отдаленные причины кронштадтского восстания, оно, по самому существу своему, означало смертельную угрозу диктатуре пролетариата. Неужели же пролетарская революция, только потому что она совершила политическую ошибку, должна была, в наказание самой себе, прибегнуть к самоубийству?

Или может быть достаточно было сообщить кронштадтцам декреты о НЭПе, чтобы тем самым умиротворить их? Иллюзия! Сознательной программы у восставших не было и по самой природе мелкой буржуазии быть не могло. Они сами не понимали ясно, что их отцам и братьям прежде всего нужна свободная торговля. Они были недовольны, возмущены, но выхода не знали. Более сознательные, т.-е. правые элементы, действовавшие за кулисами, хотели реставрации буржуазного режима. Но они не говорили об этом вслух. "Левый" фланг хотел ликвидации дисциплины, "свободных советов" и лучшего пайка. Режим НЭП'а мог лишь постепенно умиротворить крестьянство, а вслед за ним - недовольные части армии и флота. Но для этого нужны были опыт и время.

Совсем уже неумными являются разглагольствования о том, что восстание не было восстанием, что матросы ничему не угрожали, что они "только" захватили крепость и военные корабли и пр. Выходит, что большевики наступали по льду, с открытой грудью, против крепости, лишь в силу своего плохого характера, стремления искусственно вызывать конфликты, своей ненависти к кронштадтским морякам или к доктрине анархизма (о которой, к слову сказать, решительно никто не думал в те дни). Разве это не детский лепет? Не

связанные ни временем, ни местом дилетантские критики пытаются (через 17 лет!) внушить нам ту мысль, что все закончилось бы ко всеобщему удовольствию, если бы революция предоставила восставших моряков самим себе. Но беда в том, что мировая контр-революция ни в каком случае не предоставила бы их самим себе. Логика борьбы дала бы в крепости перевес наиболее крайним, т.-е. наиболее контр-революционным элементам. Нужда в продовольствии поставила бы крепость в прямую зависимость от иностранной буржуазии и ее агентов, белых эмигрантов. Все необходимые приготовления к этому уже велись. При подобных условиях пассивно выжидать, надеясь на счастливую развязку, способны люди типа испанских анархо-синдикалистов или поумистов. Большевики, к счастью, принадлежали к другой школе. Они сочли своим долгом потушить пожар в самом начале и, следовательно, с наименьшими жертвами.

"Кронштадтцы" без крепости

По существу дела господа критики являются противниками диктатуры пролетариата и тем самым противниками революции. В этом весь секрет. Правда, некоторые из них признают революцию и диктатуру на словах. Но от этого не легче. Они хотят такой революции, которая не вела бы к диктатуре, и такой диктатуры, которая обходилась бы без принуждения. Разумеется, это очень "приятная" диктатура; однако, она требует мелочи: равномерного и притом очень высокого развития трудящихся масс. Но при этом условии диктатура вообще не была бы нужна. Иные анархисты, по существу либеральные педагоги, надеются на то, что через 100 или 1000 лет будет достигнуто столь высокое развитие трудящихся, что принуждение окажется ненужным. Конечно, если бы капитализм способен был дать место такому развитию, его незачем было бы низвергать. Не было бы никакой нужды ни в насильственной революции, ни в диктатуре, которая является неизбежным последствием революционной победы. Однако, нынешний упадочный капитализм оставляет мало места для гуманитарно-пацифистских иллюзий.

Рабочий класс, не говоря о полу-пролетарских массах, неоднороден, как социально, так и политически. Классовая борьба порождает формирование авангарда, впитывающего в себя лучшие элементы класса. Революция возможна тогда, когда авангарду удастся повести за собою большинство пролетариата. Но это вовсе не значит, что внутренние противоречия среди самих трудящихся исчезают. В момент высшего под'ема революции они, правда, смягчаются, но только затем, чтобы на новом этапе проявиться снова во всей остроте. Таков ход революции в целом. Таков был ее ход в Кронштадте. Когда умники в туфлях хотят задним числом предписать Октябрьской революции другой маршрут, мы можем только почтительно попросить их указать нам, где и когда собственно их великолепные принципы оказались подтвержденными на практике, хотя бы частично, хотя бы в тенденции? Где те признаки, которые позволяют рассчитывать на торжество этих принципов в будущем? Ответа мы, конечно, не дождемся.

Революция имеет свои законы. Мы давно уже формулировали те "уроки Октября", которые имеют не только русское, но и международное значение. Никаких других "уроков" никто даже не пытался предложить. Испанская революция подтверждает "уроки Октября" методом от обратного. А суровые критики молчат или вяляют. Испанское правительство "Народного фронта" душит социалистическую революцию и расстреливает революционеров. Анархисты участвуют в этом правительстве или, когда их выгоняют, продолжают поддерживать палачей. А их иностранные союзники и адвокаты занимаются тем временем защитой... кронштадтского мятежа от жестоких большевиков. Постыдная комедия!

Сегодняшние споры вокруг Кронштадта располагаются по тем же классовым осям, что и само кронштадтское восстание, когда реакционная часть матросов пыталась опрокинуть пролетарскую диктатуру. Чувствуя свое бессилие на арене сегодняшней революционной политики, мелко-буржуазные путаники и эклектики пытаются использовать старый кронштадтский эпизод для борьбы против Четвертого Интернационала, т.-е. международной партии пролетарской революции. Эти новейшие "кронштадтцы" будут также разбиты, - правда, без употребления оружия, так как у них, к счастью, нет крепости.

Л. Троцкий.

Бюллетень оппозиции N 66-67 Май-июнь 1938

Еще об усмирении Кронштадта

В своей недавней статье о "Кронштадте" я пытался поставить вопрос в политической плоскости. Но многих интересует проблема личной "ответственности". Суварин, который из вялого марксиста стал восторженным сикофантом, утверждает в своей книге о Сталине, что я в автобиографии сознательно умалчиваю о кронштадтском восстании: есть подвиги, иронизирует он, которыми не гордятся. Цилига в своей книге "В стране великой лжи" передает, что, при усмирении Кронштадта, мною расстреляно было "больше десяти тысяч моряков" (я сомневаюсь, чтоб в тот период во всем Балтийском флоте было такое число). Иные критики высказываются в таком смысле: да, восстание объективно имело контр-революционный характер, но зачем Троцкий применил при усмирении и после усмирения столь беспощадные репрессии?

Я ни разу не касался этого вопроса. Не потому, что мне нужно было что-либо скрывать, а как раз наоборот, потому что мне нечего было сказать. Дело в том, что я лично не принимал ни малейшего участия ни в усмирении кронштадтского восстания, ни в репрессиях после усмирения. В моих глазах самый факт этот не имеет политического значения. Я был членом правительства, считал необходимым усмирение восстания и, стало быть, несу за усмирение ответственность. Только в этих пределах я и отвечал до сих пор на критику. Но когда моралисты начинают приставать ко мне лично, обвиняя меня в чрезмерной жестокости, не вызывающейся обстоятельствами, я считаю себя вправе сказать "господа моралисты, вы немножко привираете".

Восстание вспыхнуло во время моего пребывания на Урале. С Урала я прибыл прямо в Москву, на 10-й съезд партии. Решение о том, чтобы подавить восстание военной силой, если не удастся побудить крепость к сдаче, сперва, путем мирных переговоров, затем, путем ультиматума --- такое общее решение было принято при непосредственном моем участии. Но после вынесения решения я продолжал оставаться в Москве и не принимал ни прямого, ни косвенного участия в военных операциях.

<...>Что касается репрессий, то ими, насколько помню, руководил непосредственно Дзержинский, который вообще не терпел вмешательства в свои функции (и правильно делал).

Были ли излишние жертвы, не знаю. Дзержинскому верю в этой сфере больше, чем его запоздалым критикам. Решать теперь, апостериори, кого и как нужно было покарать, я не берусь за полным отсутствием данных. Суждения по этому поводу Виктора Сержа --- из третьих рук --- не имеют в моих глазах никакой цены. Но я готов признать, что гражданская война не есть школа гуманности. Идеалисты и пацифисты всегда обвиняли революцию в "эксцессах". Но суть такова, что эти "эксцессы" вытекают из самой природы революции, которая сама является "эксцессом" истории. Кому угодно, пусть отвергает на этом основании (в статейках) революцию вообще. Я ее не отвергаю. В этом смысле я несу за усмирение кронштадтского мятежа ответственность полностью и целиком.

Л. Троцкий

Бюллетень оппозиции N70 Октябрь 1938 г.